

Д. О. ЧУРАКОВ

Дорогами последних пятилеток

<Фрагменты>

Почитатели жанра художественной публицистики не в последнюю очередь отдают ему предпочтение в силу того, что работающие в нем авторы не стремятся загрузить своего читателя многочисленными цифрами, в которых трудно разобраться и еще сложнее запомнить. Но иногда совершенно без цифр обойтись просто невозможно, в особенности когда дело доходит до экономики. А проигнорировать тему экономического развития при обсуждении хитросплетений отечественной истории конца 1960-х — начала 1980-х годов было бы неверно¹. Во-первых, слишком много разного рода мифов запущено о советской экономике тех лет. Им необходимо противопоставить конкретные факты, которые бы позволили представить реальное положение вещей. Достаточно сказать, что изначально понятие «застоя» широко применялось преимущественно к брежневской экономике, а затем оно так поправилось разномастным «обличителям», что вскоре заговорили о застое во всех остальных областях жизни советского общества. А ведь где-где, а в народном хозяйстве СССР никакого застоя, о котором следовало бы говорить с придыханием, как это принято делать сегодня, *не наблюдалось вовсе*. Имелись, конечно, как и в любой живой экономике, свои ритмы развития, когда за бурным подъемом следовали периоды более размеренного движения, но не более того.

<...>

Только отстранение Хрущёва от власти позволило взяться за наведение порядка в экономической сфере и постараться наверстать упущенное время. Но не стоит представлять дело так, будто бы с этого момента советская экономика развивалась совершенно гладко. Нет. Ниже о проблемах экономического развития СССР мы будем говорить даже больше, чем об успехах. И тем не менее

несколько запоздалая отставка Хрущёва спасала нашу страну от неминуемого всеобъемлющего кризиса.

*Относительная стабилизация** советской экономической системы совпала с осуществлением восьмого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1966–1970). Подготовка проекта пятилетки сопровождалась большими проблемами. Работа над ним началась еще при Хрущёве, когда вся пропагандистская машина правящей партии стремилась доказать правоту Никиты Сергеевича, обещавшего, что уже «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Ученые-экономисты и практики от производства ломали голову, решая непосильную задачу: каким же образом рассчитать пятилетние задания в соответствии с этой популистской установкой?! Нереальность выхода на рубежи, заданные XXII съездом КПСС, — вот что послужило еще одной веской причиной, по которой окружение Хрущёва было вынуждено поторопиться с его смещением. Лишь после того, как на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС прежние завышенные директивы признали волюнтаристскими, появилась возможность продолжить подготовку планов восьмой пятилетки на более строгой научной основе, как это было принято до воцарения Хрущёва.

Новые ориентиры развития советской экономики озвучил XXIII съезд КПСС, состоявшийся в конце марта 1968 года. С трибуны съезда провозглашалось, что за пять лет выпуск промышленной продукции удвоится, сельхозпродукция возрастет на четверть, производительность труда в промышленности увеличится на 30–35%, а прибыль — более чем в два раза. «Планов громадьё» на этот раз не смогло заслонить от нового партийного руководства потребности «маленького человека»: позитивные перемены должны были отразиться непосредственно на жизни населения. Реальные доходы среднего советского человека по сравнению с 1965 годом должны были увеличиться не менее, чем в 1,5 раза.

Первостепенное внимание уделялось развитию сельского хозяйства и производству потребительских товаров. Не были забыты и потребности регионов. Подъему местной инициативы служили, к примеру, планы развития территориально-производственных комплексов (ТПК): Западно-Сибирского, Ангаро-Енисейского, Тимано-Печерского, Южно-Якутского и др. Тем самым брежневское руководство вновь в качестве важнейшей задачи ставит приращение богатства родины за счет неуклонного продвижения

* Слово «относительная» выделено не случайно. Почему — прояснится из последующего изложения.

на Восток — это к вопросу о компетентности Брежнева и понимании им долгосрочных интересов страны.

Успех предстоящей пятилетки должен был обеспечить комплекс мероприятий, в экстренном порядке проведенных после отставки Хрущёва. Развернувшиеся на тот момент преобразования, по определению некоторых зарубежных историков, носили характер своеобразной контрреформы, поскольку были направлены на преодоление наиболее одиозных последствий волюнтаристского правления попавшего в опалу любителя кукурузы. Уже в ноябре 1964 года Пленум ЦК КПСС восстановил единство партийных, государственных, а также всех других органов, разделенных в 1962 году на промышленные и сельские. Через год была упразднена система совнархозов, которая превратилась в неисчерпаемый источник коррупции и местничества, происходит восстановление отраслевых министерств. Предпринимались и другие шаги, направленные на нормализацию обстановки в экономике и на *повышение управляемости* ею.

Вместе с тем, и это следует подчеркнуть особо, *отказ произошел только от тех новаций, которые уже успели в предшествующий период проявить свою неэффективность*. Многие важные замыслы прежних лет, еще не успевшие воплотиться на практике, не утратили свою привлекательность для нового руководства. В силу этого *в некоторых важных проявлениях новый брежневский курс сохранял преемственность с реформаторскими замыслами предшествующего десятилетия*. И эта боязнь решительно порвать с хрущевским прошлым дорого обходилась Советской стране, делала стабилизацию экономики неполной, вносила в ее развитие опасные тенденции, которые в будущем грозили многими бедами. С этой точки зрения интересно посмотреть на так называемую «косыгинскую реформу» 1965 года. Если стоять на страже исторической справедливости, то эту реформу с большим основанием следовало бы называть «хрущевской» или, хотя бы, «хрущевско-косыгинской», поскольку ее основные положения были задуманы еще в последние годы правления Хрущёва. Она должна была дополнить те преобразования в экономике, которыми так «славна» хрущевская эпоха.

<...>

Целое поколение советских людей, закончивших школу в 1970-е — начале 1980-х годов, учились по учебникам, в которых реформа преподносилась как крупный шаг, укрепляющий в нашей стране социалистический строй. Любые сомнения в правильности выбранного пути отметались как ложные и провокационные. Советским людям навязывалось мнение, что реформы не означают

возврата к капитализму. Удивительно, в этих своих основных чертах оценка реформы 1965 года сохраняется и в нынешних, иногда даже свердемократических учебниках. О том же пишут журналисты желтых изданий, политические мужи, подчас вполне серьезные ученые, — как будто мы до сих пор не можем взглянуть на произошедшее с учетом всех результатов реформы, в том числе долгосрочных! Правда, теперь акценты делаются несколько иные: дескать, реформаторы побоялись отбросить социализм как систему на свалку истории, а поэтому реформы оказались обречены на провал. К причинам провала реформы мы еще вернемся, а пока предлагаю серьезнее подумать, какой ящик Пандоры был открыт в 1965 году, какой истинный смысл с неизбежностью имели начатые тогда наследниками Хрущёва изменения принципов советского хозяйственного механизма.

Мероприятия советского руководства вызвали широкий резонанс во всем мире. Реакцию западных аналитических центров в своей книге, увидевшей свет еще в 1987 году, проанализировал советский исследователь В. И. Тетюшев². С наиболее значимыми положениями этой работы имеет смысл познакомиться и современному читателю, поскольку содержащиеся в ней сведения постарались сразу же предать забвению, — ни в научных трудах, ни в учебниках истории о реакции Запада на реформу 1965 года в наши дни практически ничего не говорится. А она многое могла бы прояснить!* Серьезные западные авторы понимали, что оживление в СССР товарно-денежных отношений еще не означает переход нашей страны на позиции отрицания социализма. К примеру, известный советолог А. Ноув по поводу большей лояльности советского руководства к рыночным элементам замечал: «Старый путь отброшен. Но нет никаких признаков, что в ближайшем будущем наступят какие-либо перемены в области теории или практики». Другой автор, Г. Шварц, отмечал, что Советы «не проявляют ни малейшего стремления покончить с государственной собственностью». Советологи продолжали рассматривать советскую экономику как «командную». Появляются все новые теории «бюрократической экономики», «экономики давления» и т. д.

Вместе с тем, в отличие от советских руководителей той поры, озабоченных *сиюминутными результатами*, аналитики на Западе стремились заглянуть далеко вперед. Опираясь на понимание объективных законов жизни общества, большинство

* Здесь и далее цитаты из трудов западных авторов, помимо специально отмеченных случаев, приводятся по: *Тетюшев В. И.* Становление и развитие экономики СССР и буржуазные критики. М., 1987.

западных комментаторов сходились во мнении, что, **в силу логики экономического развития, решения партии приведут к постепенному дрейфу СССР к капитализму.** Зарубежные средства массовой информации пестрели заголовками: «Капитализм в России», «Советский капитализм», «Россия делает осторожные шаги к капитализму». Переход к экономическим рычагам управления экономикой западные политики, социологи и журналисты характеризовали как «идеологическое банкротство». В своей статье за 12 февраля 1965 года Журнал «Тайм» заявлял, что советская верхушка прибегла к помощи капиталистических методов хозяйствования в силу того, что в экономике СССР наметилась «мрачная перспектива» развала. «Тайм», а вслед за ним «Нью-Йорк Таймс» в октябре 1965 года писали о том, что СССР вынужден перенимать идеи и методы управления экономикой, свойственные «свободному миру», «вводит у себя капитализм без капиталистов». О стремлении русских использовать некоторые капиталистические механизмы писал И. Голдмен.

Многие западные обозреватели отмечали, что советские руководители, встав на путь реформ, вынуждены будут делать **все новые уступки.** О том, что «возрастающая роль денег и стоимостных показателей» в советской экономике является следствием благотворного влияния капитализма, писал голландский экономист, сторонник теории конвергенции Я. Тинберген. По мнению автора публикации в «Дейли Телеграф» за 19 сентября 1965 года, «механизм планирования должен быть в значительной мере демонтирован, и его заменит рыночная экономика». С таких же позиций выступали Л. Холмс, Ф. Холзман и др. Сторонник ревизионистского течения западной мысли О. Шик развивал эту же мысль следующим образом: «Даже минимальное предписание показателей из центра, — подчеркивал он, — является препятствием для оптимального решения и в принципе противоречит тем задачам, которые должно решать предприятие, если оно действительно будет работать на рынок». Подобного рода оценки проникли даже в официальные документы. Так, в одном из аналитических материалов, подготовленном группой ученых для Конгресса США, отмечалось, что начатые реформы *в перспективе изменят характер экономических отношений в СССР, приведут к ликвидации плановой экономики и победе рыночных отношений.*

Тетюшев и другие советские авторы обвиняли своих западных коллег в фальсификации фактов, во лжи и других грехах, отмечали, что на Западе выдают желаемое за действительное. Но сегодня, несколько десятилетий спустя, именно западные оценки представляются правильными, тогда как бравурные рапорты со-

ветских политиков и ластивые комментарии советских историков о полной верности нашей страны делу строительства социализма выглядят либо проявлением недалковидности, либо попыткой скрыть реально происходившие в обществе необратимые процессы **перерождения**.

<...>

В последние два десятилетия в публицистике и научной литературе возобладало мнение, что достижения в реализации восьмого пятилетнего плана вызваны проводившимися в те годы рыночными преобразованиями. Действительность, однако, свидетельствует об обратном. Наибольшие успехи были достигнуты *в первые годы пятилетки, когда массовый перевод промышленности на новую систему хозяйствования еще только разворачивался*, причем в это время на хозрасчет переходили наиболее передовые, технически оснащенные предприятия, которые и прежде отличались высокими достижениями в работе. Тем самым на рост показателей в самую первую очередь влиял такой фактор, как **стабилизация советской системы** (после отказа от волюнтаристских метаний хрущевской семилетки, а также вызванные этим позитивные ожидания населения). Помимо этого, некоторые авторы отмечают, что к составлению проекта восьмой пятилетки были привлечены профессиональные экономисты, которые стремились заложить в план наиболее оптимальные параметры экономического развития страны.

К концу восьмой пятилетки темпы развития промышленности вновь начинают снижаться. Как уже отмечалось, многие считают, что причиной этого становится активное сопротивление командно-административной системы внедрению рыночных механизмов. И действительно, многие представители советского руководства отдавали себе отчет, что в перспективе реформа несет в себе немалую угрозу, как могли, противодействовали ей. Часто консервативные настроения приписывают лично Брежневу. При этом высказывается точка зрения, что в выборе экономической стратегии сталкивались две концепции. Первая, косыгинская, предпочтение отдавала промышленности и ее неуклонному реформированию. Вторая, брежневская линия, якобы исходила из приоритета оборонных отраслей и сельского хозяйства, а кроме того, с 1977 года Брежнев, как и некоторые его предшественники, стоявшие во главе страны, особое внимание начинает уделять поступательному движению на восток, в первую очередь освоению Сибири. А для этих приоритетов, как якобы полагали некоторые советские лидеры, необходимости в реформах не существовало, «надо просто лучше работать». В научной литературе существует и другое мнение, со-

гласно которому антиреформаторское большинство в Политбюро возглавлял Н. Подгорный, открыто заявлявший: «На кой черт нам эта реформа, мы и так двигаемся неплохо». Реставраторские настроения по вполне понятным причинам особенно укрепились в результате событий 1968 года в Чехословакии. Ученые, пытавшиеся обосновать необходимость расширения в советской экономике зоны действия закона стоимости, стали подвергаться ограничениям.

Другие авторы, даже весьма уважаемые, полагают, что причиной слабости реформ оказалось сохранение государственной собственности. Это, дескать, не позволяло создать рачительного собственника, консервировало отчужденность работника от средств производства, не позволяло раскрыть демократический потенциал реформы. Такие взгляды восходят к утопическим представлениям идеологов анархизма XIX века, полагавших, что *любое* государство обязательно является врагом общества, душит в нем все здоровое, эксплуатирует и грабит. По-своему перетолковали эту оценку в XX веке либералы. Они убеждают, что противостоит обществу не любое государство, а только *советское*. В доказательство этого приводят довод, будто экономика нашей страны была строго подчинена *произвольно* состряпанным планам, развивалась исключительно по указке сверху, подавляла хозяйственную инициативу и заинтересованность отдельного человека. Подчеркнем — подобного рода заявления, если не являются плодом сознательного извращения фактов, просто-напросто насквозь ошибочны, в корне искажают действительность.

А действительность эта такова: даже в самые жесткие годы индустриализации и войны советская экономика развивалась совершенно по иным законам. Даже такой американский советолог, как Пол Грегори, вынужден признать, что советская экономическая система превратила СССР в одну из двух мировых сверхдержав и постоянную головную боль для Запада. Причину этого он видит в том, что в Советском Союзе никогда не существовало той карикатурной системы, которую изображали в своих «трудах» «мыслители», подобные Мизесу³ и Хайеку⁴. Внутри плановой экономики всегда существовало широкое поле для проявления личной инициативы и заинтересованности и работников, и руководителей. Именно это делало советскую экономику такой живучей, и она просуществовала гораздо дольше, нежели ей предрекали патентованные оракулы либерализма*.

* Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 17. К слову сказать, уже само название его книги показывает, насколько критически

<...>

По мнению А. В. Шубина⁵, в 1970-е годы подобного рода согласования велись не только по вертикали, но и по горизонтали, что позволяет историку называть советскую экономику того времени «*экономикой согласований*». Иногда согласования шли по вполне официальным каналам, иногда нет, но в обоих случаях они в конечном итоге делали систему еще более гибкой и устойчивой. Таким образом, говорить о жестком, командно-административном характере советской экономики не приходится. А поскольку в обсуждении встречных планов на уровне предприятий принимали участие партийные, рабочие и молодежные организации, целые трудовые коллективы, то и об отсутствии демократизма в советской экономике говорить неправомерно. Не следует преувеличивать уровень этого демократизма, но и отрицать его *укоренность* в советскую систему тоже невозможно. Что же касается того, будто советская экономика не позволяла создать рачительного собственника, то это вообще звучит смешно. Но это смех сквозь слезы: сколько лет уже прошло с того времени, как советская экономика и само Советское государство разрушены, уже и приватизировать почти нечего, а несметных полчищ «рачительных собственников» что-то днем с огнем не сыщешь, зато сколько развелось ворья!

<...>

Более глубоко, нежели вожди СССР, понимали суть советской системы некоторые честные западные экономисты. Давая оценку реформам периода «горбачевской перестройки», в чем-то аналогичным косыгинско-брежневским, они отмечали, что «Советскому Союзу легче достичь коммунизма, чем вернуться к капитализму»*. Нельзя не вспомнить еще одно важное обстоятельство. Как в литературе неоднократно говорилось самыми разными авторами, еще на рубеже XIX–XX веков Россия представляла собой страну, в которой шли процессы вторичной модернизации. Как известно, это, помимо всего прочего, означает особую роль государства в экономике. Целью государства в условиях вторичной модернизации является собирание ресурсов для осуществления цивилизационного рывка. В свое время царской России и сталинскому СССР этот рывок сделать удалось. Но, как уже говорилось, при Хрущёве наша страна вновь оказалась в положении догоняющей. Поскольку при преемниках Никиты Сергеевича этого факта

по отношению к советскому проекту он был настроен сам, но с фактами бороться трудно.

* Якушев В. М. Не разрушать, а созидать // Альтернатива: выбор пути. Перестройка управления и горизонты рынка. М., 1990. С. 38.

не осознали и не учли уроков более раннего времени, цивилизационное отставание СССР только усугубилось. И причиной этого являлся как раз отказ государства от своей функции локомотива в переходных условиях.

<...>

Словом, даже если признать целесообразность проведения именно тех реформ, которые стартовали в 1965 году, они были заведомо обречены на неудачу. И все же, сколь ни важны перечисленные причины этого, корень проблемы крылся в ином... Переориентация экономики с производства конечного продукта на получение прибыли *не могла дать долгосрочного положительного эффекта* не только на внешнем, но и на внутреннем рынке. Прибыль можно было получить двумя путями. Во-первых, снижая производственные затраты. Во-вторых, поднимая цены. Первый путь в условиях рутинной организации труда и при наличии устаревшей техники для большинства предприятий был просто нереален. Для ускорения научно-технического перевооружения требовались большие капиталовложения, которые стали бы приносить прибыль только через несколько лет, что делало их невыгодными. В результате руководителям большинства предприятий оставалось одно — вздуть цены. А возможности получить дармовую прибыль имелись. Обратимся к анализу ситуации, который приведен в работе А. В. Шубина. Он справедливо отмечает, что советская экономика в 1930–1950-е годы создавалась как единое сверхпредприятие, в котором отдельные заводы, фабрики, шахты и т. д. являлись лишь отдельными цехами. Внутри одного и того же предприятия (даже сверхкрупного!) конкуренции быть не может, к тому же многие новые советские предприятия являлись уникальными, что при переходе к товарно-денежным расчетам превращало их в монополистов*. А ведь в рыночной экономике именно конкуренция хоть как-то тормозит рост цен!

Как отмечают некоторые современные авторы, стремление повысить цены не слезая с печи возникало в головах не только некоторых ушлых директоров, но и министерских работников. Получалась своеобразная взаимовыгодная смычка, носившая вполне законный, но, по своей сути, абсолютно преступный характер. Ее результатом становилось автоматическое внедрение в народно-хозяйственный организм механизмов инфляции. Только в машиностроении за годы восьмой пятилетки цены выросли на 30%! Очевидная опасность сложившегося положения заключалась в том,

* Шубин А. В. Золотая осень, или Период Застоя. СССР в 1975–1985 гг. М., 2008. С. 94–95.

что экономика становилась малочувствительной к требованиям продолжавшейся во всем мире НТР. Стадиальное отставание СССР в наукоемких технологиях, наметившееся в прошлые годы, по многим показателям проявило тенденцию к усилению.

Тем самым, вопреки заведомо политизированной оценке, согласно которой причиной краха реформаторских замыслов в те годы становится отказ от развития товарно-денежных отношений, в действительности коренной порок осуществлявшихся в экономике начинаний сводился к тому, что рыночные методы (**такие, к примеру, как материальное стимулирование или самостоятельность предприятий**) и **плановое регулирование не удалось объединить в единую органичную систему**. В результате, по мере реформирования экономики, эти два разнонаправленные начала не дополняли друг друга, а все больше расходились, противостояли и подрывали друг друга. Более того, отдельные авторы полагают, что попытки улучшить советскую экономику через насаждение в ней элементов рынка экономики были заведомо ущербны и не могли привести ни к чему хорошему. Во-первых, поскольку они отбрасывали страну в прошлое, во-вторых, потому, что экономическая система — это живой организм, ее невозможно складывать, как детский конструктор, из разномастных частей. Попытки перехитрить законы природы хорошо показаны в литературе в образе Франкенштейна. Вот такого вот монстра и представляет собой, по мнению этих авторов, планово-рыночная экономика, поскольку экономические законы так же невозможно ни отменить, ни обойти.

Приверженцы подобной точки зрения, как представляется, несколько переоценивают формационную зрелость советской экономики и ее близость к безрыночному уровню развития, но в целом они рассуждают гораздо более здраво, чем нынешние либеральные плакальщики реформы 1965 года, которым так и хочется возразить: «Не жалеете о том, что ее “свернули” — она свернулась сама, как прокисшее молоко!» Просто в обществе тогда еще имелись защитные механизмы достаточной силы, и они *частично* сработали. Если бы реформа шла по нарастающей, наша страна и мы сами оказались бы в той же самой субстанции, что и при Горбачеве с Ельциным, но на полтора десятилетия раньше. Экономист В. М. Якушев в этой связи совершенно справедливо замечает, что основной тенденцией развития экономики (на современном этапе) является движение по линии изживания товарно-денежной системы и становления органической системы распределения и обмена. Следовательно, реформа 1965 года поворачивала нашу страну вспять. Механизмы самозащиты и самоорганизации обще-

ства в тот момент сумели предотвратить лишь непосредственную угрозу, но полностью излечить разрушительные импульсы, привнесенные в экономику реформой, им так и не удалось. Прогнозы советологов не так быстро, как им, вероятно, хотелось бы, но постепенно начинали сбываться.

Несмотря на то, что наиболее активные реформаторы к началу 1970-х годов оказались не у дел, постепенно трудности в развитии советской экономики нарастали. В годы девятой пятилетки объем продукции промышленности возрос только на 43%, а сельского хозяйства — на 13%. В десятой тенденция падения роста производства продолжилась. Промышленная продукция в 1976–1980 годах увеличилась на 24%, сельскохозяйственная — всего на 9%. Нерешенные вопросы продолжали препятствовать развитию экономики и в одиннадцатой, последней «догорбачевской» пятилетке. Если проводить сравнение между этими показателями и темпами довоенного развития самого СССР, то нельзя не признать, что в советской системе хозяйствования в 1970-е годы налицо были отдельные кризисные тенденции. К тому же некоторые их отрицательные последствия успели прорваться на поверхность и проявиться даже на бытовом уровне.

Так, вызванный хозяйственной реформой 1965 года рост оптовых цен очень быстро привел к росту цен розничных, что сразу же отразилось на кошельках потребителей. Из номенклатуры производимой продукции быстро исчезали дешевые товары, падало качество производимой для населения продукции. Поскольку рост цен был умеренным, в материальном плане он сказывался не так уж сильно, а вот в психологическом плане — потери были куда ощутимее. Ситуация была столь очевидна, что стала предметом обсуждения советской прессы. В газетах открыто признавалось, что предприятиям стало невыгодно производить дешевые товары и это вело к их исчезновению с прилавков. Часто дефицит в антикоммунистической литературе объявляется чуть ли не врожденными пороками советского проекта. Но это сознательная фальсификация. Россия никогда не была страной всеобщего изобилия. Все достижения русского народа являлись результатом героического, в прямом смысле этого слова, труда. После революции, особенно после Великой Отечественной войны, благосостояние населения пошло вверх. Нехватка товаров стала преодолеваться. Поэтому дефицит 70-х годов прошлого века — это явление новое, имеющее принципиально иную природу, нежели дефицит более раннего времени. Теперь он носит четко выраженный спекулятивный*

* То есть определенно капиталистический.

характер и не имеет ничего общего с принципами социалистического хозяйствования, которое ориентировано не на прибыль, а на удовлетворение потребностей. В социалистической экономике предприятиям одинаково выгодно производить как сверхдорогие, так и самые дешевые товары.

<...>

Еще одним очевидным следствием реформ становится развитие в СССР «теневой экономики». Интересный анализ этого явления содержится в исследовании итальянского историка Дж. Боффа. Он отмечает, что, несмотря на стремление Сталина к огосударствлению всего и вся, в экономике всегда оставалось место для частной инициативы. Теневая экономика существовала и в годы НЭПа, и потом, в ходе «сталинских пятилеток». Оживление теневой экономики приходится на период войны с фашистской Германией. Но дело было, как подчеркивает итальянский историк, в масштабах*. Рост теневой экономики — это еще одно наследие хрущевского времени. Хотя Хрущёв и пытался бороться с дельцами теневой экономики самыми крутыми методами, в особо значимых случаях, не исключая даже смертной казни, но порождаемые им противоречия в экономике ежедневно способствовали усилению альтернативной экономики. При Брежневе и Косыгине, которые так и не решились окончательно порвать с хрущевским прошлым, масштабы экономики, ушедшей «в тень», возрастают еще больше, по некоторым оценкам, становятся сопоставимы с легальной. Дельцы теневой экономики, т. н. «цеховики», налаживали производство и сбыт многих товаров народного потребления, предметов роскоши. Процветали спекуляция, приписки, хищения.

Нельзя утверждать, что советское руководство ничего не делало для преодоления кризисных процессов. Вопреки утверждению некоторых зарубежных и отечественных авторов, что неудача «косыгинской реформы» заставила советское руководство совсем отказаться от каких-либо преобразований в экономике, реформаторские настроения были довольно широко распространены в правящей партии и в 1970-е годы. На рубеже 1970–1980-х годов было предпринято несколько попыток новых широкомасштабных реформ. Одна из них, стартовавшая в 1979 году, была направлена на усиление плановых начал в экономике. Суть очередной экономической реформы была изложена в совместном постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение

* Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964–1994. М., 1996. С. 68.

эффективности производства и качества работы» от 12 июля 1979 года. Постановление ориентировало народное хозяйство на повышение качества планирования, вводился новый основной показатель эффективности работы предприятий. Вместо прибыли им становилась так называемая «чистая продукция», на изготовление которой предприятие затрачивало собственные материалы, энергию и трудовые ресурсы. Одновременно начали реанимировать моральные стимулы к труду, заговорили об их приоритете над материальными. Больше внимание вновь начали уделять социалистическому соревнованию. В обиход вошли такие лозунги, как пресловутое выражение «экономика должна быть экономной».

<...>

Серьезным подспорьем всей советской экономике в те годы стали стремительные сдвиги в развитии энергетики. В брежневский период в нашей стране идет бурное освоение новых месторождений природных ресурсов, прокладываются тысячи километров газо- и нефтепроводов, складывается единый Топливо-энергетический комплекс (ТЭК). СССР становится страной, которая одной из первых приступила к газификации. Переход к газу можно считать важной ступенькой в развитии современного общества, поскольку он ощутимо экологичнее и дешевле нефти и нефтепродуктов. Многолетний руководитель «Главтюменьгазпрома» Е. Н. Алтукин много лет спустя вспоминал, что он, несмотря на то, что являлся всего лишь одним из многих региональных руководителей, всегда мог без труда попасть на прием к председателю советского правительства Косыгину — столь существенное внимание уделялось в то время освоению природных ресурсов. По его свидетельству, готовый бюджет «Главтюменьгазпрома» в период его первых шагов составлял 14–15 млрд руб. (т. е. 20 млрд долларов)! «В 60-х — начале 70-х гг. были открыты месторождения в Уренгое и Медвежьем, — рассказывал он обозревателю одной из российских газет в марте 2008 года. — Вот в середине 60-х и начала зарождалась наша газовая промышленность. Когда меня в 1966 г. назначили начальником “Тюменьгазпрома”, главк только создавался. Я приехал из Саратова и был одним из немногих специалистов по газодобыче. А в 1978 году, когда я уходил на партийную работу, в объединении работало 80 тысяч человек. Вот вам масштабы и темпы освоения газовых месторождений в наше время»*. Аналогичные темпы, масштабы, а главное — капиталовложения стали залогом взлета отечественной нефтянки.

Однако какими бы существенными ни были расходы на энергетику, они имели колоссальную отдачу. Когда на рубеже 1960–

* Советская Россия. 2008. 20 марта.

1970-х годов Советский Союз только начинал выходить на мировой нефтяной рынок, цены на нефть составляли всего лишь 2–3 доллара за баррель*. В 1973 году они скакнули до 11 долларов за баррель, а в 1979 году баррель нефти стоил уже 34 доллара. Пользуясь выгодной рыночной конъюнктурой, советское руководство постоянно наращивало продажу природных ресурсов за рубеж. Доля нефти в экспорте СССР в 1960-е годы достигала 11%, а в начале 1980-х годов — уже около 38%. Интересно отметить следующую тенденцию — постепенно доля соцстран в объеме поставок советской нефти уменьшалась, а капиталистических стран возрастала, что позволяло нашей стране обеспечить экономию на «братской помощи» и увеличивать реальные доходы в твердой валюте. В среднем СССР экспортировал около 20% добываемой нефти.

Торговля нефтью и другими невосполнимыми ресурсами давала колоссальные прибыли — за 1970-е и начало 1980-х годов, по некоторым оценкам, было получено около 180 млрд инвалютных руб. Однако эти средства часто тратились неразумно — в стиле консервативного стремления к покою. Немалые деньги шли на закупку ширпотреба и другие непроизводственные нужды, а не на развитие науки и передовых технологий. Такая политика помогала «подлатать дыры», как-то стабилизировать внутрисоветскую ситуацию, предотвратить возникновение острых социальных конфликтов, ощутимо поднять материальный уровень населения, но сулила серьезные издержки в перспективе. Дополнительные трудности обозначились в первые месяцы «горбачевской перестройки». Под невиданным нажимом американской администрации союзные ей страны — экспортеры нефти, прежде всего Великобритания и Саудовская Аравия, пошли на резкое снижение нефтяных цен: в середине 1986 года они составили рекордно малую величину — 7 долларов за баррель, хотя несколько позже стабилизировались на уровне 15–18 долларов за баррель. Экономически не мотивированное снижение цен на нефть было элементом «холодной войны», и речь о нем пойдет подробнее в соответствующем месте. Пока отметим главное — зависимость СССР от энергетического экспорта постоянно возрастала, но не была непреодолимой.

<...>

Панацеи для решения экономических проблем раз и навсегда не существует. И тем не менее непреложный и совершенно очевидный факт: Хрущёв, а потом его преемники не оценили и торпедировали проведение очень сложных, дорогостоящих,

* Нефтяной баррель — мера объема, равная 158,988 дм³.

рискованных, но прорывных преобразований, возвращающих СССР лидирующее положение в экономической гонке в рамках парадигмы НТР. Вместо этого ставка была сделана на цивилизационное движение вспять и конвергенцию с Западом. В результате приходилось играть на площадке своих прямых конкурентов и по их правилам. **Сделанный выбор оказался историческим.** Он имел самые что ни на есть долгосрочные последствия...

<...>

Имея такой мощную страховочную подушку, как плановая экономика, наша страна избежала катастрофического падения производства и уровня жизни, которые наблюдались во многих странах Запада. Но в результате реформы 1965 года в Советском Союзе оживились не только рыночные механизмы управления, но и свойственные рынку теневые моменты. В результате народное хозяйство СССР оказалось более уязвимо, более открыто воздействию действиям закона стоимости, прямым порождением которого являются циклические кризисы перепроизводства. Опираясь на плановое хозяйство, советская экономика, худо-бедно, но смогла «перескочить» самый опасный этап кризиса — *падения производства в СССР не наблюдалось ни при Хрущёве, ни при Брежнев*. Тем не менее под давлением жестких законов рынка народное хозяйство не смогло избежать длительной полосы депрессии при постепенном затухании хозяйственной жизни*.

Значит, все-таки кризис, предел роста, крах, закономерный развал железобетонного монстра? Но давайте не станем спешить присоединяться к таким скороспелым поверхностным оценкам, как бы солидно они ни выглядели и какие бы серьезные и респектабельные ученые мужи и жены их ни высказывали! Попытаемся разобраться самостоятельно. А чтобы самим избежать соблазна выдать желаемое за действительное и соблюсти полную объективность, нам предстоит обратиться к фактам: фактам реального роста экономической мощи нашей страны в годы последних советских пятилеток.

На период нашей истории между «хрущевской оттепелью» и «горбачевской перестройкой» приходятся в аккурат четыре последние советские пятилетки: восьмая, девятая, десятая и одиннад-

* Период депрессии оказался довольно таки продолжительным, но к середине XI пятилетки явно наметилось его преодоление. Накопившийся запас энергии и прочности позволял смотреть в завтрашний день с оптимизмом. Но тут на пути преодоления экономических затруднений встали политические проблемы, созданные нам Горбачевым и его командой. Колоссальный потенциал был им преступно загублен, пущен не на созидание, а на разрушение. Но это, как говорится, — совсем другая история.

цатая. Все одни имеют свое лицо и свои особые внутренние ритмы. Каждая из них внесла свой неповторимый вклад в реализацию советского проекта. Как уже отмечалось, из всех этих пятилеток самой удачной советской пятилеткой считают восьмую. Что ж, мы видели, что Советский Союз, несмотря на «косыгинскую» реформу, в годы ее проведения действительно добился многого. Но признать ее самой удачной (тем более единственно удачной советской пятилеткой) факты не позволяют. Во-первых, самими успешными советскими пятилетками были те, в ходе которых мы сумели превратить свою отодвинутую на обочину истории страну в мировую сверхдержаву, т. е. первые четыре пятилетки. Если уж нужно выделить одну, самую-самую, то я бы без смущения и колебаний назвал самую первую. Ведь она была первой не только в нашей, но и в мировой практике. И то, что за 4 года и 3 месяца удалось выполнить примерно 90% задуманного — это не просто удача, это великий подвиг. *Но последовавшие за восьмой советские пятилетки также нечестно называть «неудачными», просто их реализация происходит совершенно в иных условиях, нежели реализация восьмого пятилетнего плана.* В чем суть этих отличий?

В том, какие разрушительные силы разбудила реформа 1965 года, мы уже разобрались, но положение в 1970-е годы осложнялось не только ее негативными последствиями. Имелись и другие факторы, к которым приходилось приспосабливаться. Перво-наперво резко возросла внешняя угроза. <...>

Раскол великого евразийского блока Советского Союза и Китая вызвал растущее противоборство двух стран. До некоторого момента оставались надежды, что ситуацию удастся выправить. После отставки виновника раскола Хрущёва они стали обретать реальные черты. Но тут вмешалась либеральная интеллигенция. Сорвав планы преодоления хрущевского волюнтаризма в освещении личности Сталина, они подготовили почву для еще большего осложнения взаимоотношений между двумя странами. И когда на границе двух стран загрохотали пушки, Советский Союз оказался в ситуации, когда война грозила прийти не только с Запада, но и с Востока. Причем Америка открыто декларировала, что не потерпит агрессии СССР против Китая и вмешается. Нетрудно догадаться, на чьей стороне. Это резко изменило расклад сил на международной арене и заставило руководство нашей страны изыскивать колоссальные средства, которые должны были пойти на укрепление огромной сухопутной границы с Китаем. *Эти средства не могли возникнуть из воздуха: их приходилось изымать из фондов развития науки, перевооружения промышленности,*

подъема сельского хозяйства. Склонен утверждать, что американо-китайское сближение конца 1960-х годов стало главной причиной срыва хозяйственной реформы 1965 года. Сработала своеобразная историческая закономерность: как только большевики-коммунисты пытались проводить сбалансированную экономическую политику (в том числе даже с применением рыночных механизмов), их усилия срывались враждебной деятельностью извне. Так было не только в этот раз, но и прежде, когда мирная передышка 1918 года и попытки наладить сотрудничество с буржуазией были разрушены интервенцией, а реформы нэповского времени были задушены экономической блокадой.

Имелось еще одно внешнеполитическое обстоятельство, имевшее крайне негативное воздействие на экономику СССР. Им становится кризис в Польше, спровоцированный недостаточным вниманием польских социалистов к социальной сфере. Резкое ухудшение материального положения вывело людей на улицы. Приведем цитату из интересного документа, хранящегося в Архиве президента РФ. Это аналитическая записка А. Александрова Брежневу, направленная генсеку 22 декабря 1970 года. В записке отмечалось: «...Мы все равно столкнемся в итоге польских событий с некоторыми новыми задачами в плане внутреннего развития. Какие практические выводы можно было бы сделать в связи с этим. Мне кажется, главное состоит в следующем. Не ослаблять заботы о постоянном (в разумных пределах) повышении материального благосостояния самых широких масс трудящихся (в первую очередь рабочего класса) как генеральной линии партии. Польские события — веский аргумент в пользу такой нашей политики»*.

Генеральную линию подправили быстро. Чтобы в СССР не повторилось того же самого, что и у наших «братьев» — славян, необходимо было в планах девятой пятилетки предусмотреть существенный рост благосостояния населения. Наиважнейшая цель, поставленная XXIV съездом КПСС, состояла в обеспечении значительного материального и культурного уровня советских граждан. Понятно, что эти благие цели на практике отрывали от задач развития экономики средства. Весьма и весьма немалые средства! Помимо этого, польский кризис заставил советских лидеров изыскивать немалые средства для оказания помощи нерадивым союзникам — допустить возникновение еще одной (помимо Китая) точки напряженности непосредственно на советских границах (теперь уже западных) было совершенно недопустимо.

* Брежнев Леонид Ильич. Вестник архива Президента Российской Федерации. Б/г. С. 94.

Несмотря на все эти факторы, результаты девятой пятилетки «провальными» не назовешь никак. За годы ее проведения общий объем капитальных вложений составил свыше 500 млрд руб. Заработало на полный ход более 2 тыс. новых крупных предприятий. Реконструировались и перевооружались действующие гиганты советской индустрии, за счет чего было получено более половины прироста продукции. Среди них может быть назван, например, Волжский автомобильный завод. Он должен был производить не ракеты для освоения космического пространства, не танки и тягачи для армии, а легковые машины для населения. В Сибири и на Дальнем Востоке выросли новые города с современной планировкой. Они превратились в опорные пункты освоения природных ресурсов этого богатого края.

Тем же целям служило возобновление в 1971 году строительства знаменитого БАМа — Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. В прежние годы дважды (при Николае I и Сталине) уже начинали ее возведение, но реализовать задуманное не удалось. Теперь БАМ становился всесоюзной ударной комсомольской стройкой, местом подвига тысяч советских юношей и девушек. Помимо экономического БАМ имел колоссальное оборонное значение (особенно в свете взаимоотношений с маоистским Китаем). Наиболее высокими темпами развивались машиностроение, электроэнергетика, химическая и нефтехимическая промышленность. В целом рост промышленного производства в годы пятилетки составил 43%. В 1975 году наша страна производила за три дня столько же, сколько царская Россия произвела за самый благополучный для нее 1913 год!

Как уже отмечалось, сельское хозяйство в этот период развивалось в особенно неблагоприятных условиях, тем не менее оно все-таки именно развивалось, а не топталось на месте: среднегодовой объем продукции совхозов и колхозов был на 13% выше, чем в предшествующей, «самой удачной» восьмой пятилетке. Это стало результатом проводимых мероприятий по химизации и мелиорации земель. Колхозам направлялась техника, удобрения, выделялись громадные средства. Труженикам села было выделено 1 млн 700 тыс. тракторов, 449 тыс. зерноуборочных комбайнов, более миллиона грузовиков, 300 млн т минеральных удобрений. На нужды села в годы пятилетки было выделено более четверти всех капитальных вложений в народное хозяйство, что выражается суммой в 131 млрд руб. Очень важно отметить, что в эти годы правительство наконец стало проявлять внимание к нуждам коренной крестьянской России. В марте 1974 года было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах

по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР». Словно в упрек хрущевскому десятилетию, Нечерноземье было названо «второй целиной». Строились дороги, возводились животноводческие комплексы, села благоустраивались.

Десятая и одиннадцатая пятилетки стали для СССР временем сурового испытания на прочность. Многие плановые показатели в это время не только не перевыполнялись, как это часто наблюдалось прежде, но даже не выполнялись. Ощутимо замедляются темпы развития экономики. Впрочем, невыполнение планов и замедление темпов являлось не столько проявлением кризисных тенденций в народном хозяйстве, которые имелись и о которых мы говорили выше, но и проявлением некомпетентности руководящих и плановых органов. Кремлевские небожители и плановики привыкли громко рапортовать о великих свершениях. Они отдавали себе отчет в том, что пора осознать реалии экономического развития и перейти к составлению менее амбициозных, но более обоснованных планов. Брежнев, например, на одном из заседаний партийного руководства так и заявил: «Народу и партии надоедают эти нереальные цифры, — и добавил: — Так, как 12 лет непрерывной критики Сталина надоели, так и это. Люди у нас практичные, грамотные, это знают, и никакая демагогия на них положительного влияния не произведет... Каждый возьмет карандаш, прикинет: а тут у нас что? — это чепуха, это опять надумано»⁵⁴.

<...>

Реальность такова, что, несмотря на определенное снижение темпов своего экономического роста, страна и в эти годы сделала очередной убедительный шаг вперед. Несмотря на все трудности развития в СССР научно-технической революции, расширился выпуск нового оборудования для комплексной механизации и автоматизации производственных процессов. В строй было введено 1200 новых промышленных гигантов. Техническое перевооружение и расширение производства произошло на таких флагманах отечественной индустрии, как Новолипецкий металлургический завод, Челябинский тракторный завод (ковавший в годы войны с фашизмом оружие Победы), производящий известные во всем мире тракторы «Беларусь» Минский тракторный завод, ряд текстильных предприятий в Ивановской области и т. д. Возникли принципиально новые отрасли промышленности. Так, бурный рост атомной энергетики привел к созданию атомного энергомашиностроения. Был построен первенец отрасли — завод «Атоммаш» в Волгодонске.

Увеличивался также объем производства товаров для населения. Его рост в 1976–1980 годах составил более 40%. Расширился

ассортимент, больше внимания стали уделять качеству. За период десятой пятилетки производительность труда в промышленности возросла на целых 17%. Правда, планировалось, что этот показатель составит 30–34%, но это уже из области фантастики, если бы рабочим удалось пришить еще по одной руке. Не стояло на месте и сельское хозяйство. Несмотря на неблагоприятные природные условия в 1977, 1979 и 1980 годах, среднегодовой сбор в период десятой пятилетки составил рекордную за всю российскую и советскую историю цифру — 205 млн тонн. А в благоприятном 1978 году удалось собрать фантастические 237,4 млн тонн! Официально планировалось, что среднегодовой прирост продукции села за годы пятилетки достигнет 14–17%, получилось только 9%, но по нашему климату этот результат тоже вполне достойный.

В одиннадцатой пятилетке наступает долгожданный перелом. Негативные тенденции наконец удалось сдержать, а затем они стали постепенно преодолеваться. *Это очень важно подчеркнуть — негативные тенденции начали преодолеваться.* Это показывает лживость перестройщиков и либералов, что «горбачевская перестройка» стала следствием кризиса советской экономики, попыткой его преодоления на путях возвращения в лоно мировой рыночной цивилизации. Наоборот, «горбачевская перестройка» оборвала процессы выздоровления общества. Царствование Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны Горбачевых привело к такому погрому, который, образно говоря, Русь не испытывала со времен ордынского нашествия!

Однако в годы одиннадцатой пятилетки выздоровление началось не сразу. 1981–1982 годы стали наиболее неблагоприятными за всю послехрущевскую эпоху. Именно на них приходится пик кризиса перепроизводства по-советски, который сегодня некоторыми ошибочно трактуется как «кризис недопроизводства». К этому добавились и другие пагубные моменты, важнейший из которых по-современному может быть назван «кризисом менеджмента». Старение советского руководства вообще изначально несло в себе немало опасностей, а тут еще добавилась болезнь Брежнева и усиление подковерной борьбы за брежневское наследие. Грубо говоря, в стране просто не было хозяина, который мог бы приструнить разгулявшихся и забывших о своих прямых обязанностях «слуг народа». СССР, как и при Хрущёве, терял управляемость, и это негативно сказывалось на всех сторонах его жизни. Падала рентабельность предприятий (с 16 до 11,5%), объем производимой промышленности продукции в 1981 году по сравнению с 1980 годом вырос всего на 3%, а в 1982 году и того меньше — на 2,9%. Несколько удачнее развивалось село,

показывая 4% роста. В 1982 году из-за начавшихся трудностей впервые за последние годы временно приостановилось повышение реальных доходов населения страны.

В то же время, называя первые два года одиннадцатой пятилетки самыми неблагоприятными в плане развития отечественной экономики, мы обязаны посмотреть и на то, какие процессы характеризовали экономическое существование наших стратегических противников. И тут мы в очередной раз убедимся в лживости либеральных критиков социализма. Оказывается, США 1980-х годов оказались охвачены гораздо более масштабным кризисом, который носил затяжной характер и продлился примерно три года. В то время как в 1981–1982 годах СССР продолжал неспешно, но наращивать производство и объемы национального богатства, экономика Соединенных Штатов деградировала и была отброшена до уровня 1978 года. При этом число безработных в США росло и достигло в декабре 1982 года 12 млн человек. Социальное государство, существовавшее в нашей стране, как мы все хорошо помним, сумело не допустить ничего подобного, и советские люди даже в этот период могли смотреть в наступающий день совершенно спокойно и уверенно строить планы своего будущего. Как раз в эти годы я учился в старших классах, и никаких сомнений в том, что мне удастся выбрать специальность, соответствующую моим способностям, интересам и устремлениям, у меня даже не возникало. Таким же светлым и жизнеутверждающим было мироощущение миллионов моих сверстников.

<...>

На этом фоне говорить о каких-то пределах роста и кризисе советского экономического строя как-то несерьезно... Даже среди западных авторов не все находились на этот счет в плену иллюзий и пропагандистских догм. Приведенные выше объективные показатели укрепления экономического могущества нашей страны заставляли уже в 70-е годы прошлого века наиболее беспристрастных и вдумчивых западных авторов не соглашаться со своими коллегами, твердившими о кризисе советской экономики. Подборка их взглядов приводится в уже упомянутой книге Тетюшева*. Так, профессор истории Всемирного университета Р. Даниэлс в 1985 году высказался категорически против утверждений о мнимых «неудачах» советской экономики. Он напомнил всем сомневающимся, что именно в этот период Советский Союз стал производить больше, чем Америка, нефти, стали и многих дру-

* Подробнее см.: *Тетюшев В. И.* Становление и развитие экономики СССР и буржуазные критики. С. 259–260 и др.

гих видов продукции. Два других западных автора, участники слушаний в палате представителей конгресса США, Р. Кэмпбел и Г. Шредер, заявили, что «не может быть и речи о каком-либо экономическом кризисе» в СССР. Интересны высказывания Р. Мантинга. Он отметил, что рост советской экономики может считаться *несколько замедленным* только «**по стандартам советской истории**». Если развитие экономики СССР сравнивать с тем, что происходит на Западе, то оно по-прежнему ощутимо быстрее. Ему вторит Жан Радвани, который подчеркивает, что СССР, даже несмотря на тяготы военных лет, поразил мир достижениями, гораздо более масштабными, чем у США.

Отбросив теорию краха, некоторые западные аналитики довольно точно и объективно называли действительные причины некоторых трудностей развития советской экономики. Так, констатируя факт исчерпания трудовых ресурсов, в отличие от современных российских (и что еще более странно — некоторых советских) авторов, некоторые зарубежные исследователи указывают на «эхо Второй мировой войны», которое вынужден испытывать на себе СССР. Не прошло мимо их внимания также то обстоятельство, что основные месторождения полезных ископаемых располагались в нашей стране на большом удалении от прежних промышленных центров, причем в очень неблагоприятных климатических условиях, что резко удорожало их добычу и транспортировку. Признавались негативные влияния климата и на развитие советского сельского хозяйства. Так, западногерманский советолог Г. Хеманн писал о неурожаях 1979–1982 годов как о важной причине трудностей развития советской экономики в этот период. Американские аналитики Дж. Пэллоти и Д. Шоу обращали внимание своих коллег на то, что по природно-климатическим условиям Советский Союз уступал США в 2,2–2,7 раза, а стоимость строительства в большинстве регионов СССР из-за неблагоприятного климата — в 3,5 раза выше по сравнению с «нормальными условиями», характерными для Соединенных Штатов. О решающей роли этих обстоятельств в отечественной научной литературе заговорили лишь после выхода замечательной монографии одного из крупнейших знатоков истории русского крестьянства академика Л. В. Милова и публицистической книги А. П. Паршева*.

В целом показатели развития советской экономики в 1965–1985 годах свидетельствуют, что страной был взят очередной

* См.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Паршев А. П. Почему Россия не Америка? Книга для тех, кто остается здесь. М., 2000.

важный рубеж на пути своего восхождения. Показатели по важнейшим видам продукции, таким как производство электроэнергии, добыча нефти и газа, выплавка чугуна и стали, производство автомобилей и тракторов, увеличились почти вдвое. Общий объем промышленного производства за указанный период вырос примерно в 3 раза, сельского хозяйства (несмотря на все существовавшие здесь объективные и субъективные трудности) — почти в 1,5 раза. В 2,7 раза возрос объем капиталовложений. Национальный доход увеличился 2,5 раза. Возросла доля нашей страны в мировом промышленном производстве. Если в 1922 году она равнялась примерно 1%, то в 1975 году — уже 12,6%, а в 1985 году — около 20%. В это время СССР производил столько же продукции, сколько в 1950 году ее производил весь мир. И это при том, что огромные средства и дефицитные людские ресурсы продолжала оттягивать на себя навязанная нашей стране гонка вооружений!

<...>

Тем самым приведенные данные демонстрируют полнейшую несостоятельность бытующего сегодня клише о будто бы поразившем советскую экономику развале. Советский экономический проект вновь с честью выдержал все испытания и доказал свое историческое преимущество. Хотя отдельные тревожные тенденции в нашем народном хозяйстве и наблюдались, *они поразили лишь периферийные зоны* советской экономической модели и при наличии политической воли поддавались лечению. Главным достижением так называемых «лет застоя» (точнее — депрессии) является продолжавшееся накопление опыта и ресурсов для очередного стремительного рывка в будущее, который могла совершить страна. Собственно, на этих ожиданиях нового стремительного ускорения, по сравнению с которым темпы развития 70-х годов XX века действительно могли показаться чуть ли не топтанием на месте, и сыграла горбачевская команда, когда подбрасывала обществу насквозь лживую концепцию «застоя». Русская цивилизация в рамках Красного Проекта готовилась к мощному, невиданному в истории расцвету, который бы разом перечеркнул все пошлые пересуды ее разномастных недругов о кризисе и крахе.

